

УДК 316.2 (470.6)

ББК 60.524 (235.7)

Ч 17

Э.Т. Чамокова

Отражение социокультурных процессов в публицистике адыгского писателя–просветителя Адыль-Гирея Кешева (Каламбия)

(Рецензирована)

Аннотация:

В работе рассматриваются социокультурные аспекты публицистики А.-Г. Кешева (Каламбия), активно печатавшего свои произведения на страницах газеты «Терские ведомости», в журналах «Русский вестник» и «Библиотека для чтения» в начале 60-х годов XIX века. В его статьях и очерках проведен социальный анализ расслоения адыгского общества, трансформации традиционных форм жизнедеятельности горцев в новые общественные структуры европейского типа. Показывая перемены в образе жизни адыгов, А.-Г. Кешев активно проводил идеи социального прогресса, благотворного влияния России в социокультурном развитии малых народов.

Ключевые слова:

Социокультурные процессы, социальное расслоение общества, социальный анализ, социальный прогресс.

Вторая половина XIX – начало XX века были отмечены активизацией творческой деятельности русскоязычных писателей-просветителей, верно оценивших прогрессивное значение вхождения народов Северного Кавказа в административно-политическую систему России. Более ста лет оставалось необнародованной настоящее имя адыгского писателя-публициста, печатавшего свои произведения под псевдонимом (Каламбий). В 1963 году исследователь творчества адыгских просветителей Л.Г. Голубева [1] нашла в архивах настоящее имя писателя. Им оказался главный редактор газеты «Терские ведомости» Адыль-Гирей Кешев (Каламбий) (1837-1873), активно печатавший в 1860-1862 годы в журналах «Библиотека для чтения» и «Русский вестник»: цикл рассказов под общим заголовком «Записки черкеса», повести «Абреки» и «На холме». Все они были предназначены для русскоязычного читателя, открывавшего для себя новые социальные, бытовые и нравственные устои жизни горцев Кавказа. Мы не останавливаемся на изложении жизненного и творческого пути писателя, учитывая их основательную освещенность в работах известных ученых (Л.Г. Голубевой, Т.Х. Кумыкова, Р.Х. Хашхожевой, А.Х. Хакушева и др.) [2]. Нас интересует отражение в его

произведениях социокультурных процессов отмеченного периода.

В творчестве А.-Г. Кешева происходит плодотворное развитие традиций адыгских просветителей в освещении социальных, бытовых и нравственных вопросов бытия адыгского общества. Социальный анализ жизни горцев в новых общественно-исторических условиях он проводит в более углубленном реалистическом плане. В этом реалистическом русле находится содержание созданных им произведений. В рассказе «Чучело» А.-Г. Кешев так говорит о цели своего творчества: «Я принимаюсь за перо с тем, чтобы передать на бумаге любопытные черты из нашей жизни. Материалов пропасть. Целое необработанное поле лежит передо мной. Нужно же когда-нибудь занять нам свой уголок в огромной семье человечества: нужно же нам знать, что мы такое, чтобы и нас узнали». А свою приверженность к реалистическому методу творчества он высказывает к А.В. Дружинину: «Я старался в заметках моих избегать всего, что выходит из повседневного быта черкесов, боясь обвинения в умышленном эффекте. Я желал бы представить черкеса не на коне и не в драматических положениях, как его представляли прежде, а у домашнего очага, со всей его человеческой стороной». Исследовате-

ли творчества А.-Г. Кешева справедливо называют его произведения социально-бытовыми зарисовками. В них содержится социальный анализ конкретных явлений жизни; автор тяготеет к социально-бытовому и этнографическим зарисовкам.

В рассказах указанного цикла писатель подвергает критике пережитки средневекового рыцарства, негативные стороны общественного быта адыгов. Он отвергает обычай наездничества, связанный с воровством и грабежом. Кешев правильно понял причину возникновения и бытования этого обычая, связывая его с своеобразными нравственными нормами и понятиями феодальной старины, когда «предприимчивость и ловкость в похищении чужого добра считались наиболее ценным качеством феодала, обеспечивавшим ему особое уважение и почет среди собратьев по классу». Писатель замечает: «Порок этот будет существовать до тех пор, пока не искоренится пагубное убеждение, что воровство есть признак удачества и предприимчивости. Такое убеждение составилось не сегодня и не вчера, оно имеет историческое значение. Черкесы, как и все народы, имели свой героический период, когда умение обманом или мечом добывать средства к существованию, естественно, сделалось необходимой принадлежностью человека в такую эпоху. Но Кавказ подпал под власть России, рыцарские правила столкнулись с новым ... порядком, и рушились, а вместе с ними, разумеется, исчезла и законность насильственного присвоения чужой собственности; место ей заступила необходимость честного труда. Кавказская молодежь, воспитанная преданиями прошлой жизни, не могла вдруг приняться за соху или вступить в воинские ряды. Соха не соответствовала ее аристократическим наклонностям, а служба под знаменами иноверцев запрещалась религией, да и гордость не позволяла; и вот из прежних героев образовалась шайка беспорядочных людей, которая, боясь заслуженного наказания, прячет концы своих непозволительных походов как можно дальше».

Писатель отмечает тягу горцев к мирному созидательному труду. Его искренне радуют рассуждения дяди о хозяйстве: о земледелии, скотоводстве и прочих «полезных занятиях», а также «практический ум, навыки и глубокое

соображение, качества, редко высказываемые адыгами...», привыкшими говорить больше о военных успехах».

Социальные взгляды А.-Г. Кешева сложились под воздействием передовой русской общественной мысли и культуры начала второй половины 50-х годов XIX века. В своей публицистике А.-Г. Кешев создал широкую социально-бытовую панораму жизни адыгов. Особое внимание он уделил социально-экономическому состоянию крестьянства, оказавшегося в тупике. Писателя-патриота беспокоит и волнует отсталость и невежество соплеменников, все еще цепко державшихся за традиционные социальные нормы, за законы феодальной старины, пагубно сказывающиеся в их жизни. Его волнует и трагическая судьба молодого поколения, не нашедшего своего места в новых исторических условиях, и трудная судьба горянки в сложную переломную эпоху.

А.-Г. Кешев активно проводит идею социального прогресса, с которым он связывает перспективы развития культуры и быта адыгов. Подмечает необходимость решительного преобразования их социально-бытового уклада на основах европейского жизнеустройства; он осуждает патриархально-феодальные устои быта адыгов. В его «Записках черкеса» запечатлены картины традиционного жизнеустройства адыгов, социальную структуру их общества. Все стороны общественного, социального бытия народа воспроизводятся автором через призму восприятия и оценки просвещенного молодого горца.

Социальная организация адыгского общества предоставляли княжеско-дворянскому сословию неограниченные права. В очерке «На холме» А.-Г. Кешев отмечает полную экономическую и юридическую зависимость крестьян от знати; он замечает, что существующие правовые отношения дают верхам неограниченную власть над подвластным им народом. Правящая знать не трудится, проводит время в праздности и разъездах. И крестьяне с пренебрежением относятся к своим хозяевам, критикуют их праздный образ жизни: «Вся желчная ирония их языка направлена исключительно на сословие, обитающее в кунацкой; на него они смотрят с пренебрежением как на что-то весьма невыгодное и непрочное, чье существование находится в их мозолистых руках».

Писатель отмечает, что у простых горцев, привыкших своим трудом добывать свой хлеб, развито чувство собственного достоинства, в нравственном отношении они стоят выше правящего сословия. Простой горец «никогда не позволит ему (господину – Э.Ч.) возложить десницу на свою физиономию». Он не терпит также разных кличек, вроде: «Эй, человек! Эй, чурбан!» и откликается только на свое настоящее имя». С другой стороны адыгский этикет не допускает неуважительного отношения к старшему, к родственнику. Вот почему даже самый бедный крестьянин «никогда не позволит при себе постороннему лицу произнести о нем мало-мальски оскорбительное замечание: тут он вступает за него, защищая его честь. В этом случае он руководствуется не столько личной привязанностью к господину, сколько сознанием семейного родства, связывающего его с ним».

Автор подмечает социальные основы происходящей переоценки и переосмысления взаимоотношений людей внутри адыгского общества. Рождается новое понимание места человека в жизни, его долга, чести и достоинства. Не случайно для крестьян «одна хорошая спина из крепкого дерева ценится дороже всякого оружия с богатыми насечками, дороже самой изящной конской сбруи. На холме... свои законы мести и примирения, не похожие на законы кунацкой».

В публицистике А.-Г. Кешева проводятся демократические идеи; в ней поставлена проблема социально-культурного самосознания передового интеллигента, его столкновения с враждебным миром, трагической разобщенности с соплеменниками. В ней прослеживается процесс идейно-нравственного развития и идейных исканий героя, в образе которого воплощены типические черты представителя пока еще немногочисленной адыгской образованной молодежи, жаждущего просветительской деятельности, но не получившего возможности активно действовать. Отсюда внутренняя неудовлетворенность героя Кешева и вызванные ею трагические настроения и переживания. А.-Г. Кешев отмечает: «Современное состояние Кавказа породило значительный круг людей, которые отбились от родной почвы, а к чужой не пристали. Поверхностное полубразование ставит их во враждебные отношения ко всему

окружающему, разрушает веру в достоинство старых обычаев, но не дает им достаточно сил для успешной борьбы с действительным злом. Это живейшая струна нашей современности».

По убеждению писателя новые, европейские образцы плохо еще вписываются в традиционное адыгское общество. «Европоцентризм» автора вызывает недоверие окружающих. Поэтому, видя несовершенство социального, общественного мироустройства соотечественников, писатель познает горечь разочарования; видит несбыточность своих культурных «проектов». Постепенно разрушаются его иллюзии по переустройству жизни горцев на социально справедливых началах.

Характерно и такое наблюдение писателя: социальное неравенство, подавленность людей из низших слоев, по мнению героя, в России проявляется значительно резче, чем в адыгской среде. И автор отдает предпочтение бытовому укладу горцев, хотя и сознает, что здесь далеко не все совершенно. «Да, – пишет он, – я был в гостях в таком доме, где хозяева встречали меня с радушием и сердечною теплотою, где вся обстановка обольщала своею уютностью и тысячами удобств. В нем я забылся и вообразил себя хозяином. Когда же я проснулся и оглянулся внимательно вокруг себя, то увидел, что и хозяева как будто переменились и обстановка потеряла половину своей цены, одним словом, как будто все окружающее меня заговорило в один голос: «В гостях хорошо, а дома лучше». Теперь я похож на того пилигрима, который исходил весь мир, ища лучшей страны и лучших людей и вернулся, наконец, в свою убогую хижину с грустным разочарованием в душе. «Я видел цветущие города, – говорил он, – я видел мраморные палаты, где блаженствуют довольные люди, но не видел ничего приветливее и милее своей хижины». Его тревожат происходящие на родине социальные процессы, губительно сказывающиеся на нравственности адыгов. «Есть о чем жалеть, есть, о чем призадуматься, – замечает он, – грустно, тяжело становится на душе, когда думаю о собратях. Низость, продажность, обман – все это губительно развивается среди народа, который когда-то не был чужд рыцарских правил и чтит имена предков», – пишет автор в очерке «Два месяца в ауле». Вполне закономерно обращение писателя к прошлому, к «богатырскому веку», когда

о человеке судили не по его богатству, а по личным качествам и поступкам: «Богатство ничтожно, как роса, что пропадает с первыми лучами солнца. Будь ты достойный человек, будет и богатство и честь, а будешь негодный, – и с богатством ничего не сделаешь». По мнению автора, прошлое рыцарское время ушло безвозвратно; прогрессивное развитие горцев связано с просвещением, преобразования в их жизни связаны также с развитием торговли. Торговля, считает он, вытеснит из головы черкеса «беспокойные, отжившие понятия, вызовет в нем дух предприимчивости, сметливости и все то, что до сих пор сокрыто в его богато одаренной натуре, введет в его семейный быт неизвестные доселе удобства, изменит к лучшему семейные и общественные отношения».

И в последующие десятилетия XIX века адыгских просветителей будут волновать социальные и нравственные вопросы, поставленные талантливым писателем А.-Г. Кешевым. Все они по-своему будут отражать идейные искания адыгской интеллигенции, противоречия в их представлениях о настоящем и будущем их родины. Они придут к выводу о кризисе старого рыцарского феодального миропорядка и необходимости движения адыгского общества по пути прогресса. Передовые общественные и социальные идеи были подхвачены и развиты соратниками-учениками А.-Г. Кешева: кабардинцами Л. Кодзоковым и К. Атажукиным, осетинами И. Тхостовым, Г. Шанаевым и А. Гассиевым, ингушами Ч. Ахриевым и А.-Г. Долгиевым и др.

В поле зрения газеты находились вопросы просвещения горцев; она постоянно информировала читателей о работе горских школ, публичных библиотек. Газета поддержала деятельность адыгского просветителя-публициста Кази Атажукина, предоставив ему возможность выступить со статьями, в которых обосновывались идея введения кабардинской письменности и перевода деловой переписки на родной язык. После смерти А.-Г. Кешева (1873) газета «Герские ведомости» потеряла свой демократический и просветительский характер, с ее страниц исчезли материалы социокультурного характера; прогрессивные ее традиции были утрачены. Тем не менее творческие достижения талантливого писателя-публициста А.-Г. Кешева не потеряли своего социально-эстетического значения, они оказали благотворное влияние на последующее развитие общественной мысли второй половины XIX – начала XX века.

Примечания:

1. Голубева Л.Г. Владеющий пером // Дружба народов, 1963, № 9.
2. Голубева Л.Г. Адыль-Гирей Кешев (Каламбий) как этнограф // УЗАНИИ, Краснодар, 1965.
3. Хакуашев А.Х. Адыгские просветители. Нальчик, 1978.
4. Хашхожева Р.Х. Адыгские писатели-просветители XIX – начала XX века. Нальчик, 1983.
5. Кумыков Т.Х. Культура и общественно-политическая мысль Кабарды второй половины XIX века. Нальчик, 1991.